

Н.А. ГЕГЕЛАШВИЛИ*

КАСПИЙСКИЙ РЕГИОН В КОНТЕКСТЕ РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЙ

Говоря о Каспийском регионе в контексте российско-американских отношений на современном этапе, следует особо подчеркнуть тот очевидный факт, что некоторые изменения в балансе сил между Россией, с одной стороны, и Соединёнными Штатами – с другой, обозначившиеся в последнее время, объясняются, прежде всего, осознанием новой американской администрацией ошибок прошлых лет, а главное – тем, что способность США к реализации своих целей в мировой политике действительно ослабевает. Представляется вполне вероятным, что Вашингтон будет вынужден отказаться от претворения в жизнь концепции глобального присутствия США не только потому, что она в таком виде потерпела поражение, но и в связи с глобальным финансово-экономическим кризисом, который радикально изменил экономическую ситуацию в этой стране.

«США должны наконец осознать, что они больше не в состоянии диктовать мировую политику, они должны научиться быть партнёром, идти на компромиссы и брать на себя риски. В противном случае американцы окажутся на обочине истории»¹, – предупреждает профессор Нью-Йоркского университета Р. Дворкин. Вот почему, по мнению нового президента США, «глобальное лидерство стало самой тяжёлой задачей для США»².

С приходом в Белый дом Барака Обамы можно говорить о новой динамике российско-американских отношений, которые после августовских событий 2008 г. на Кавказе не могут быть нормой для обеих сторон, и поэтому ситуацию необходимо изменить с учётом появляющихся возможностей. Всё это может дать новый импульс развитию российско-американских отношений, тем более что, во-первых, в течение последних пяти лет в Вашингтоне не было консенсуса в оценках политики России, и ей отводилось лишь незначительное место в общественных дискуссиях. Во-вторых, популярность новоизбранного американского президента может также привести некоторые изменения в этом направлении.

И, наконец, в-третьих, по признанию как США, так и ЕС, сегодня накопился целый ряд острейших проблем, которые невозможно решать без России.

* ГЕГЕЛАШВИЛИ Нана Александровна – кандидат политических наук, заведующая Центром региональных проблем ИСКРАН. Copyright © 2009.

Статья подготовлена в рамках Аналитической ведомственной целевой программы «Развитие научного потенциала высшей школы 2009». Проект № 2.1.3/7428 «Проблемы международной безопасности в многополярном мире».

¹ Dworkin R. Interview 22.12.2008 (Solon-line.de).

² Barack Obama's Address to Joint Session of Congress. 24.02.2009 (www.whitehouse.gov).

Большой Каспийско-Центральноазиатский регион может стать самым проблемным в отношениях между Москвой и Вашингтоном.

Геополитические реалии Каспийского региона

В настоящее время происходит беспрецедентное «переформатирование» многих регионов мира, в том числе и Каспийского, ставшего в силу изменившейся геополитической и энергетической ситуации важнейшим субъектом мировой политики, значение которого постоянно возрастает. Возможности, открывшиеся перед образовавшимися после распада СССР странами и суверенизации бывших советских республик, омрачаются жёсткой борьбой за средства их реализации. Ситуация усугубляется громадным энергоресурсным, коммуникационным и военно-стратегическим потенциалом Каспия³, что способствовало началу «вхождения» в этот регион государств, географически весьма отдалённых от евразийского перекрёстка (США, Китай, ЕС, Индия).

Положение Каспийского региона в наиболее уязвимой части «мягкого подбрюшья» России в сочетании с наличием в нём множества реальных и потенциальных конфликтов, экономическая и военно-стратегическая уязвимость отдельных государств и региона в целом, наличие мощных внешних сил, заинтересованных в активном проникновении в регион, – всё это ставит его в жёсткую зависимость от мирового процесса глобализации.

Одним из наиболее очевидных явлений XXI века является глобализация международного развития, означающая включение большей части мира в сложную систему финансово-экономических, общественно-политических и информационных связей. С целью вовлечения постсоветских стран Каспийского региона в процесс глобализации создаются многочисленные геополитические мегапроекты, предусматривающие радикальное изменение баланса сил и территориальные перекройки.

В настоящее время по периметру России в ускоренном порядке формируются крупные геополитические конструкции, составные части которых планируется объединить общностью долгосрочных целей. Их названия, как правило, включают в себя эпитет «большой»: «Большая Европа», «Большой Ближний Восток», «Большой Черноморский регион» (его логическое продолжение – «Большой Черноморско-Каспийский регион»).

Связующими звеньями между ними должны стать как маршруты нефти и газопроводов, проходящие через территорию этих государств (тем самым обеспечивая общность их экономических и, как следствие, национальных интересов), так и различные транспортные коммуникации, призванные активно соединить страны Каспия с остальным миром. Внутри «пояса стабильности, как предполагают западные стратеги, будет успешно идти процесс демократизации.

³ В определении Каспийского региона существует подход, согласно которому к нему относятся пять прикаспийских стран: Россия, Азербайджан, Туркменистан, Казахстан и Иран, а также Грузия, Армения, Узбекистан и Турция. В более широком геополитическом смысле в это понятие включают и остальные страны Центральной Азии – Таджикистан и Киргизию.

Сама по себе тенденция нарастающей «привязки» региона к мировой политике и хозяйству закономерна для современного мира и отвечает общему характеру его развития, усиления в нём элементов взаимозависимости. Существенно важно, однако, чтобы формирующиеся связи приводили в конечном счёте именно к взаимозависимости. Имеется в виду не только зависимость каспийских государств от внешнего по отношению к ним мира, но и расширение способности самого региона влиять на важные для него аспекты мировой экономики и политики. Необходимо, чтобы эти государства сохраняли в рамках такой взаимозависимости способность к проведению самостоятельной внутренней и внешней политики, к надёжному обеспечению своей национальной (включая эколого-экономическую), а также и коллективной региональной безопасности. В случае с Каспийским регионом этот вопрос, по крайней мере в настоящее время, является открытым, однако в среднесрочной перспективе представляется, что все входящие в него страны приобретут ту степень независимости, которая позволит им увереннее отстаивать не только свои экономические, но и политические интересы.

Глобальный уровень экономики и политики представлен в Каспийском регионе тремя непосредственными участниками: Соединёнными Штатами, интересы которых носят всеобъемлющий характер, сочетая стратегические, экономические и военно-политические компоненты; Европейским Союзом и Китаем, сотрудничество которых с Каспием ещё недавно связывали только экономические соображения. Однако в настоящее время картина стала существенно меняться из-за расширения спектра интересов последних. Нельзя исключать того, что при условии нормализации обстановки вокруг Каспия и налаживания стабильного и эффективного использования его ресурсов в эту группу более активно включатся Япония, Индия и Пакистан.

Принципиально важная особенность региона, делающая его своего рода «заложником» военно-стратегического, экономического и политического положения на глобальном уровне, – непосредственное взаимодействие с зоной Персидского залива и, прежде всего, с такими её государствами, как Иран и Ирак – ключевыми на Ближнем Востоке, который уже с конца 1970-х годов провозглашён зоной «жизненно важных интересов» США.

Повышенное внимание к Каспийскому региону объясняется его энергетическим потенциалом, а также заинтересованностью прикаспийских государств в диверсификации доступных им источников нефти и газа. Каспийский регион также является одним из сегментов Великого шёлкового пути – ТРАСЕКА, идущего из Европы в Центральную Азию, Китай, Японию.

Политика США в регионе

По мере возрастания мировой зависимости от импорта нефти проблема надёжности зарубежных поставок всё теснее переплеталась с вопросом внутренней политической стабильности государств-экспортёров. Федеральное правительство и деловые круги США вполне обоснованно исходили из того, что, чем прочнее позиции прозападных и проамериканских сил в государствах, обла-

дающих значительными запасами сырья, тем больше оснований рассматривать их как надёжный источник.

Именно исходя из этих соображений Вашингтон с самого начала стал рассматривать Каспийский регион как потенциальный мировой резерв, который можно задействовать в случае истощения запасов углеводородного сырья в других природных кладовых либо же при изменении ценовой конъюнктуры на мировых рынках. США начали укреплять свои позиции в регионе уже с конца 1997 г., когда Вашингтон объявил его зоной своих долгосрочных стратегических интересов. Тогда же Соединённым Штатам, в период наибольшего ослабления России, удалось заметно усилить там своё присутствие. В американской администрации был создан особый пост – специального советника президента и госсекретаря США по вопросам энергетической дипломатии. В марте 1999 г. Конгрессом был принят закон «О стратегии Шёлкового пути» (*Silk Road Strategy Act of 1999*⁴). В нём, в частности, говорилось о поддержке экономической и политической независимости стран Южного Кавказа и Центральной Азии, которые могли бы своими нефтью и газом уменьшить энергетическую зависимость США от «ненадёжного Персидского залива».

Одним из главных приоритетов американской внешней политики признано строительство в Каспийском регионе разветвлённой сети трубопроводов для обеспечения экспорта энергоресурсов. Соединённые Штаты ратуют за то, чтобы большинство экспортных маршрутов транспортировки каспийских нефти и газа пролегали в обход России – через территории закавказских республик (Азербайджан и Грузию), а также Украину. Иными словами, через те государства, которые Вашингтон включил в сферу собственных интересов и обозначил как своих партнёров в одобренном обеими палатами Конгресса закона 2007 г. «О консолидации свободы в НАТО». Такой поворот событий позволил уже тогда сделать предположение о том, что в ближайшие годы с новой силой обещает развернуться борьба за энергетические ресурсы Каспия.

Ещё в годы президентства Дж. Буша-мл. политика Вашингтона в Каспийском регионе отвечала ключевым положениям, содержащимся в Стратегии национальной безопасности США, которая основывалась «на продвижении американских национальных ценностей и интересов» с «присутствием США в стратегически важных районах мира»⁵. По мнению бывшего заместителя государственного секретаря США Р. Армитиджа, Стратегия национальной безопасности отражала «фундаментальную глобальную перестановку, когда все страны имеют возможность по-новому переосмыслить свои приоритеты. Вашингтон, таким образом, будет иметь возможность ориентировать международные партнёрства не только на победу в борьбе с терроризмом, но и на решение всех транснациональных задач, стоящих перед партнёрами США»⁶.

Однако с приходом нового президента – Барака Обамы – такая политика в отношении данного региона должна быть существенно скорректирована, что в

⁴ www.house.gov

⁵ The National Security Strategy 2006 ([www/whitehouse.gov/](http://www.whitehouse.gov/)).

⁶ Армитидж Р. Союзники. Друзья и партнёры: международное сотрудничество в области стратегии международной безопасности. – Электронный журнал, декабрь 2002.

немалой степени объясняется признанием Вашингтоном важности сотрудничества с Москвой для достижения необходимых задач, стоящих перед США. Это означает одно – американцами будет учитываться тот факт, что СНГ является важнейшим, если не главным приоритетом российской внешней политики, о чём было заявлено президентом В.В. Путиным в Послании Федеральному собранию ещё в июле 2004 г.⁷ При этом понятно, что в настоящее время Россия как никогда ранее не допустит существования системы принятия решений, из которой она исключена.

Выступая в Конгрессе США 18 июня 2008 г. помощник государственного секретаря по делам Европы и Евразии Д. Фрид отмечал, что «Южный Кавказ должен идти по европейскому пути, а Соединённые Штаты твёрдо настроены продвигать "рубежи свободы" в Армению, Азербайджан и Грузию, помогая этим странам улаживать региональные конфликты и строить демократические институты. Вопрос о том, может ли регион между Чёрным морем и Каспием на деле присоединиться к Европе и её институтам, решается уже сейчас»⁸.

Параллельно с этим формировалась и стратегия постепенного внедрения НАТО в Каспийский регион. Это осуществлялось путём разработки поэтапных программ для стран Каспия, предусматривающих превращение их в страны НАТО в средне- или долгосрочной перспективе по следующему сценарию: сначала участие в специально созданной альянсом программе «Партнёрство ради мира», затем получение статуса страны – кандидата в члены НАТО в рамках Плана индивидуального партнёрства с альянсом и, наконец, включение прикаспийских стран в План по вступлению в НАТО. Постоянно растущее значение, которое альянс придаёт государствам данного региона, подтверждается также и появлением в 2005 г. новой должности специального представителя генерального секретаря НАТО по Кавказу и Центральной Азии.

Практически по такой же схеме, как в Грузии, однако с небольшим отставанием и с разной степенью результативности, осуществляется сотрудничество НАТО и с другими странами Каспийского региона, в первую очередь с Казахстаном и Туркменией, обладающими значительными запасами нефти и газа.

Одной из таких форм сотрудничества на Каспии становится охрана стратегически важного для Запада нефтепровода Баку – Тбилиси – Джейхан. Для его охраны, равно как и других каспийских трубопроводов, Европейское командование США создало специальное оперативное соединение «Каспийский страж», основу которого составляют американские мобильные силы и подразделения армий стран – участниц энергетических проектов.

Что же касается политики Вашингтона в странах Центральной Азии, то в целом она осуществлялась по такому же сценарию, что и в государствах Южного Кавказа, с учётом, однако, их некоторого отставания от «магистральных процессов демократизации», а также специфики региона.

Военное сотрудничество США с государствами Центральной Азии стало осуществляться с момента начала войны с терроризмом, когда на территории Узбекистана и Киргизии были размещены военные базы США – «Ханабад» в

⁷ «Время новостей», 13.07.2004.

⁸ www.usinfo.state.gov, 18.06.2008.

г. Карши в Узбекистане и «Манас» в Киргизии. Однако ещё в 1997 г. Пентагон принял решение о включении Центральной Азии в зону ответственности Центрального командования вооружённых сил США. Операция США в Афганистане лишь усилила активизацию американской политики в регионе, в особенности в её военной сфере, когда государства Центральной Азии были помещены в более широкий контекст борьбы с терроризмом, в первую очередь в связи с их геополитическим положением. Поэтому с конца 2001 г., в рамках кампании против талибов в Афганистане, Соединённые Штаты заключили с Узбекистаном и Киргизией соглашения о создании на их территории американских военных баз, а с Казахстаном договорились об использовании его воздушного пространства и транзите военных грузов. Также США получили согласие таджикских властей на использование аэропорта в Душанбе в чрезвычайных ситуациях.

Разлад с Узбекистаном заставил США искать более тесного партнёрства с Казахстаном и другими странами Центральной Азии. Судя по количеству американских высокопоставленных чиновников, посетивших этот регион в 2005–2006 гг., ситуация там крайне тревожила Вашингтон; в первую очередь, из-за растущего влияния России и Китая. Вот почему США пытаются в последнее время делать ставку на сильного и, самое главное, предсказуемого регионального игрока. В рекомендациях для администрации американские аналитики предложили начать установление более тесных связей с Казахстаном в области безопасности⁹. По их мнению, несмотря на то, что США пока не могут называть Казахстан «Грузией в Центральной Азии», эта страна имеет наилучшие политические и экономические перспективы в долгосрочном плане.

В марте 2003 г. Казахстан был включён в зону ответственности Южноевропейского флота НАТО, а в сентябре Астана подписала с Вашингтоном пятилетний план сотрудничества. В 2004 г. на заседании Совета НАТО было принято решение «придать приоритет» сотрудничеству альянса с регионом, и центром этого сотрудничества стал Казахстан. В октябре 2005 г. было открыто представительство НАТО по связям и взаимодействию с центральноазиатскими государствами, штаб-квартира которого базируется в Алма-Ате, южной столице Казахстана. Характерен этот выбор НАТО, так как открытие представительства именно в Казахстане имеет стратегическое значение для США.

Вашингтон предлагает тщательно разработанные проекты по обустройству таможни и границ. Действует обширная Программа регионального рынка энергоносителей (*Regional Energy Market Assistance Program – REMAP*), а также Рамочное соглашение о товарообмене и инвестициях между США и Центральной Азией, в которое вошли все пять центральноазиатских государств, включая Афганистан. Таким образом, США поставили перед собой цель: обеспечение независимости каждой из этих стран при одновременном развитии взаимодействия.

⁹ См., например: Legvold R. *New U.S. Strategy in Central Asia*. Columbia University Press, 2005, pp. 99–107; Garnett Sh. *Central Asian Studies World Wide*. Washington Institute of Strategic Studies, June 2006.

Проблема разрешения «замороженных конфликтов» находится теперь в центре евроатлантической стратегии. Тем не менее, в странах региона растёт чувство неудовлетворенности и пессимизма, поскольку нынешние дипломатические форматы и усилия не способствуют прогрессу, нарастает беспокойство и в связи с тем, что разрешение конфликтов (таких, например, как косовский) в других странах мира непосредственно будет воздействовать на ситуацию в Каспийском регионе.

Вашингтон считает, что в определённой степени такой пересмотр зависит не только от Москвы, но и от того, располагают ли местные лидеры политической легитимностью и волей, необходимыми для того, чтобы обеспечить общественную поддержку нелегким решениям, которые потребуются для урегулирования подобных конфликтов.

Многие американские эксперты придерживаются мнения, что для США жизненно важно поддерживать и расширять своё присутствие в Центральной Азии. От американского присутствия и участия выгадывают обе стороны: США смогут обеспечить свою безопасность, защитить военные, геополитические интересы и доступ к энергоносителям, способствуя одновременно развитию демократии и гражданского общества; развивающиеся страны Евразии смогут получить доступ к весьма необходимым им американским инвестициям, помощь в обеспечении безопасности и глобальной интеграции, причём предложения США должны быть привлекательней предложений России, Китая, Индии и Ирана¹⁰.

Политические и экономические интересы, а также интересы безопасности США и Центральной Азии не исключают друг друга и могут быть реализованы скорее через сотрудничество, чем через конфронтацию. Развитие и безопасность поставок и транзита энергоносителей – один из таких общих интересов, которые необходимо культивировать. Отсутствие единого мнения по той или другой проблеме не должно препятствовать сотрудничеству государств для достижения их собственных, целей. Даже если отношения между США и центральноазиатскими государствами или Россией в постсоветское время находятся на низком уровне, общие интересы, такие как развитие энергетики, борьба с терроризмом и ограничение распространения ядерного оружия, должны приветствоваться.

Однако, учитывая недавние напряжённые отношения, касающиеся предпочтения экономических моделей и политических систем, выполнить это будет сложно. Регулярный диалог с региональными игроками, а также с ЕС, Россией, Китаем, Японией и Индией должен скоординировать политику и предотвратить кризисы. Потребуется компромисс с обеих сторон, США могут столкнуться с тем, что для получения уступок им потребуется со временем сделать первый шаг.

В связи с вышеизложенным, небезынтересным представляется тот факт, что Соединённым Штатам также потребуется провести новые дискуссии на тему, является ли демократия частью проблемы в этих конфликтах или, напротив, её развитие способствует их разрешению. На протяжении длительного

¹⁰ O l i k e r O., S h l a p p a k D. U.S. Interests in Central Asia. Rand Corporation, 2007, pp. 37–39.

времени западная дипломатия исходила из установки, что главное – добиться от авторитарных лидеров дипломатического урегулирования, обеспечить их признание со стороны мирового сообщества, а при необходимости принять меры по навязыванию им своего решения. Однако со временем риски и недостатки подобного подхода становятся всё более очевидными, поскольку лидеры, имеющие сомнительную легитимность, уклоняются от принятия назревших решений. Поэтому американскими экспертами предпринимаются всё новые попытки с целью разработки альтернативных стратегий, которые предполагают использование демократических средств, а также мер по демилитаризации и декриминализации.

Судя по высказываниям советников Б. Обамы, данный курс может вызвать расширение взаимодействия США с центральноазиатскими странами в вопросах международной безопасности, прежде всего, по стабилизации положения в Афганистане, совместной охране границ, проведению регулярных военных учений под эгидой НАТО и борьбе с различными глобальными вызовами.

В настоящее время для реализации стратегических интересов Вашингтона американские эксперты называют курс на сотрудничество с Москвой в Центральной Азии, а также на отказ от прежней стратегии США, направленной на изоляцию или вытеснение России из региона; поддержку идеи Центральноазиатского «круглого стола», т.е. диалога на высшем уровне между государствами региона и их соседями – КНР, Россией, Турцией и Ираном. В области энергетической политики Соединённые Штаты не должны, по мнению экспертов, сосредотачиваться исключительно на известных маршрутах транспортировки нефти и газа, поддерживать российские и международные проекты, в том числе те, которые могут связать регион с Восточной Азией¹¹.

Эксперты Вашингтонского института стратегических исследований указывают на «возможные роли» США, которые они могли бы сыграть в Центральной Азии: 1) ограниченного партнёра, 2) гегемона или 3) менеджера в области безопасности. Первый вариант Соединённых Штатов фактически был реализован во время президентства Клинтона. Что касается роли гегемона, которую США пытаются играть в настоящее время, то, по мнению американских экспертов, она обречена на провал, и это, в частности, наглядно показала политика Дж. Буша-мл. в Ираке. Поэтому они склоняются к тому, что в настоящее время США должны выбрать для себя роль «менеджера по безопасности», избегать превращения в гегемона, и строить свою политику с учётом интересов России, Китая и Ирана¹².

В долгосрочной перспективе успехи политики США на территории каждой отдельно взятой страны Каспийского региона будут зависеть от дальнейшего развития внутривластной ситуации в этих странах, а также от того, насколько эффективно удастся воплотить в жизнь новую концепцию глобального присутствия США на Каспии, и, что немаловажно, от российской политики.

¹¹ Подробнее см.: G a r n e t t Sh. Op. cit.

¹² Ibidem.

Новый алгоритм российско-американских отношений на Каспии

Ситуация, возникшая в зоне грузино-южноосетинского конфликта между Россией и Грузией, продемонстрировала наличие очередного раскола как в самой системе международных отношений и миропорядка в целом, так и в отношениях между США и Европой, с одной стороны, и Россией – с другой.

Не в последнюю очередь этому способствовало новое охлаждение отношений между Россией и Западом, основой которого стали как обострившееся соперничество на пространстве СНГ, так и усиливающиеся расхождения в подходах по принципиальным вопросам в области безопасности, а также по другим ключевым аспектам российско-американского дискурса.

Главная причина заключается, по всей видимости, в отсутствии той степени необходимого доверия с обеих сторон, которое является необходимым, при выстраивании двусторонних отношений. Это доверие так никогда и не было достигнуто; более того, ему на смену пришло подозрение, подорвавшее дух партнёрства и сотрудничества.

Вот почему последние несколько лет взаимоотношения между Западом и Россией представляли собой сочетание крайне ограниченного сотрудничества и растущего в геометрической прогрессии соперничества. При этом возможности сотрудничества всё более сокращались и свелись к ряду общих интересов в сферах борьбы с терроризмом и внутренней безопасности. В то время как Соединённые Штаты и Европа обсуждали новую политику в «Большом Черноморско-Каспийском регионе», Москва, с точки зрения Запада, поддерживала курс на свёртывание демократических преобразований во многих странах этого региона и на восстановление своей гегемонии. Поиск путей того, как взять подобного рода соперничество под контроль, что должно было стать важнейшим компонентом любой западной стратегии, оказался безуспешным.

Последствия августовских событий 2008 г. создали новые реалии для выстраивания непростых российско-американских отношений практически с чистого листа. Это, в конечном счете, неизбежно приведёт как Запад, так и Россию к необходимости пересмотра старых, блоковых подходов при решении международных проблем, создавая одновременно новые условия для продолжения диалога по вопросам международной безопасности.

В этой связи чёткое определение национальных интересов, равно как и характера сотрудничества России с постсоветскими странами, становится главной задачей. При отсутствии продуманной стратегии Каспийский регион может превратиться в арену жесточайшего соперничества между Россией и Западом, а дальнейшая реализация трубопроводных проектов, обходящих территорию России, может получить новый импульс.

При этом, необходимо отметить и то, что за прошедшие 17 лет после распада СССР государства Каспийского региона проявили удивительную способность извлекать из соперничества великих держав максимальную пользу для своей независимости. Достаточно обратить внимание на «многовекторную» внешнюю политику – доктрину «равноудалённости», которую приняли практически все прикаспийские страны, и которая позволяет им диверсифициро-

вать экспорт энергоносителей, не отдавая предпочтения России, ЕС, США или Китаю. Следует также добавить, что, несмотря на партнёрство в данном регионе, Россия и Китай одновременно соперничают в сфере энергетики.

Представляется, что Россия останется ключевым поставщиком энергоресурсов как для Европы, так и для Соединённых Штатов. Но по мере того как Москва будет стремиться сохранить монополию, а Запад – диверсифицировать поставки нефти и газа, соперничество вокруг альтернативных маршрутов сохранится и даже обострится.

Вместе с тем, США вряд ли когда-нибудь станут единственной доминирующей силой в Центральной Азии: нет никаких предпосылок к тому, что это произойдёт. Реальные цели – энергетическая безопасность, близость к главному очагу с терроризма (Афганистану и Пакистану), борьба с торговлей наркотиками, оружием и технологиями производства ОМУ, поощрение прозрачности социально-экономического развития – всё это требует твёрдых обязательств. К тому же непростые российско-американские отношения могут, по крайней мере в краткосрочной перспективе, заблокировать политику США в данном регионе. Острые углы постоянно усиливающегося соперничества могут быть сглажены разумным сотрудничеством между обеими странами, что при оптимистичном сценарии несомненно усилит роль и значение России.

Центральным фронтом такого сотрудничества может и должен стать Афганистан, который был назван Бараком Обамой одним из внешнеполитических приоритетов США. В связи с этим становится ясно одно – монополия НАТО и США на решение афганской проблемы заканчивается. Поэтому посылаемые администрацией Обамы сигналы Москве вполне можно было с самого начала трактовать как приглашение России к взаимодействию в решении афганского вопроса. В случае успешной реализации данного проекта, а такая возможность у обеих сторон имеется, это могло бы стать новой вехой в российско-американских отношениях. Поэтому необходимо начать выстраивать отношения с США заново, с «чистого листа», что и означает «перезагрузку», отбросив взаимные упреки, высокую степень предубеждения, а, главное, недоверие.

В самом конце 2007 г. Россия заявила о своём намерении сотрудничать с Соединёнными Штатами в обеспечении безопасности в Афганистане и в борьбе с афганским наркотрафиком. Выразив готовность участвовать в транзите невоенных грузов для международных миротворцев в Афганистан в соглашении с НАТО, вступившем в силу с 2008 г., Россия продемонстрировала, что она ни в коей мере не подрывает военные усилия США и НАТО в Афганистане, а российский президент Д.А. Медведев по итогам визита в Ташкент, состоявшегося в конце января 2009 г., заявил, что "сотрудничество России с США должно быть равноценным и полномасштабным, а Москва хотела бы играть в этом урегулировании более заметную роль"¹³.

Во время официального визита президента США Б. Обамы в Москву (6–8 июля 2009 г.) обе стороны заявили о намерении «активно задействовать транзитный маршрут через территорию Российской Федерации для доставки имущества и оборудования для нужд международных сил». В этом контексте

¹³ <http://www.regnum.ru> 24.01.2009.

6 июля 2009 г. министр иностранных дел России Сергей Лавров и заместитель государственного секретаря Уильям Бернс заключили соглашение между РФ и США «о транзите вооружения, военной техники, военного имущества и персонала через территорию Российской Федерации в связи с участием вооружённых сил США в усилиях по обеспечению безопасности, стабилизации и восстановлению Исламской Республики Афганистан»¹⁴, дополнившее договорённость НАТО и России. Данное соглашение, вступившее в силу 6 сентября 2009 г., позволит Соединённым Штатам транспортировать свой военный персонал и военную технику через территорию России в поддержку американских и коалиционных сил в Афганистане. Таким образом, ежегодно через территорию РФ будут проходить более десяти американских военно-транспортных самолётов, а открытие так называемого «северного маршрута» позволит Вашингтону сократить свыше 100 млн. долл. в год на транспортные издержки.

В контексте усиления взаимного сотрудничества Москва и Вашингтон решили также разработать двустороннюю инициативу по «значительному наращиванию финансовой разведки и правоохранительного инструментария для пресечения незаконных финансовых потоков, связанных с осуществляемым, в том числе и «Талибаном», а также организованной преступностью героиновым наркотрафиком в Афганистане»¹⁵.

Представляется, что Москва стремится в значительной степени к повышению эффективности общих усилий, направленных на поражение сил воинствующего экстремизма в Афганистане, что может обеспечить безопасность во всём регионе, тем более, что в стабилизации Афганистана заинтересованы как Россия, так и США.

Помимо **«Северного маршрута»**, предусматривающего загрузку припасов в вагоны в портах Германии, с последующей их перевозкой по железной дороге через Польшу, Белоруссию, Украину, Россию, Казахстан, Туркмению и Узбекистан, в настоящее время Вашингтон пытается организовать новые маршруты транзита грузов для международных миротворцев в Афганистан. Одним из таких маршрутов, который может стать самым оптимальным для США, считается **«Каспийский маршрут»** – через Грузию в Азербайджан, затем в казахский порт Актау, а оттуда через узбекскую территорию в Афганистан, – представляет собой одно из звеньев так называемого проекта **«Большой Центральной Азии»**, призванного связать Центральную и Южную Азию общей энергетической и транспортной инфраструктурой, что обеспечит доступ бывшим советским республикам к Индийскому океану. Однако без стабильных Афганистана и Пакистана вероятность его реализации крайне низка.

Представляется, что в сложившейся ситуации Москва может начать более перспективную политику по двум направлениям.

Во-первых, Россия при желании способна обеспечить безопасность **«Северного маршрута»**, что в случае его эффективности создаст ситуацию зависимости НАТО от России. Более того, примером эффективного сотрудничества

¹⁴ www.mid.ru

¹⁵ Ibidem.

в Афганистане может стать создание совместных российско-американских баз в пограничных с Афганистаном странах Центральной Азии (Туркмения, Узбекистан, Таджикистан). Тем более, что Рамочное соглашение по развитию сотрудничества между вооружёнными силами Российской Федерации и Соединённых Штатов Америки, а также Меморандум об утверждении Рабочего плана по совершенствованию военного сотрудничества между вооружёнными силами на 2009 г., подписанные обеими сторонами 6 июля 2009 г., могут способствовать этому и стать таким образом первым этапом в развитии такого сотрудничества.

Во-вторых, транзит через Россию, Казахстан и Узбекистан превращает эти страны в более значимых участников разрешения афганского конфликта. Причём Россия активизируется на афганском направлении. Суть российской позиции должна состоять в том, что в Афганистане необходима не только военная победа, но и решение сложного комплекса социальных и экономических проблем. Россия может участвовать в восстановлении северных районов Афганистана, оказывать давление на своих союзников в регионе, делиться опытом ведения боевых действий на афганской территории. Москва должна продолжать настаивать на том, чтобы Вашингтон привлёк к решению афганского вопроса Шанхайскую организацию сотрудничества и возобновлению деятельности контактной группы «шесть плюс два» (Китай, Таджикистан, Узбекистан, Туркмения, Иран и Пакистан, а также США и Россия).

Необходимо заняться борьбой с наркобизнесом. Причём основная роль в решении этих вопросов должна отводиться не США и НАТО, а ООН и другим международным организациям.

В этом контексте нельзя не сказать об усиливающейся роли государств Центральной Азии. Какие бы соглашения ни заключили Соединённые Штаты – о транзите через Каспийское море или непосредственно по российской территории, доступ в Афганистан с севера невозможно получить без договорённости хотя бы с одним государством этого региона.

Несмотря на заявление вице-президента США Дж. Байдена на конференции в Мюнхене о том, что Вашингтон выступает против всякого наличия «сфер влияния», похоже, что Москва готова развивать не только полномасштабное сотрудничество с Соединёнными Штатами в обеспечении безопасности в Афганистане, но и пойти на другие компромиссы с Вашингтоном при условии признания за Россией ведущей роли на постсоветском пространстве.

В силу сложившейся политической и экономической ситуации в мире, потенциал соперничества значительно сокращается. На смену ему неизбежно должно прийти «дозированное» сотрудничество, что диктуется самим временем. И это надо учитывать. Необходимо также отметить и то, что в настоящее время каждая из центральноазиатских стран стремится преодолеть свои внутренние трудности по-своему. В 2005 г. была ликвидирована американская база «Ханабад» в Узбекистане с целью продемонстрировать протест против проводимой Вашингтоном политики в этой стране, а затем, осуществлялись другие внешнеполитические акции узбекского президента уже не в пользу России – приостановка членства этой страны в ноябре 2008 г. в Евразийском экономическом сообществе, ведущую роль в котором играет Россия, молчали-

вое согласие по поводу размещения американской базы в Узбекистане взамен выведенной из Киргизии и многое другое – всё это позволяет говорить о пока ещё не очень явно обозначенных внешнеполитических приоритетах государств Центральной Азии.

Тем не менее, это не помешало Бишкеку уже в июне 2009 г. подписать новое соглашение с Вашингтоном об открытии Центра транзитных перевозок как для военных грузов, так и для грузов специального назначения в аэропорту «Манас». Выступая перед представителями ВВС, лидер Киргизии отметил, что «Киргизия открыта для новых предложений со стороны американского правительства, но переговоры с ним должны иметь новый формат»¹⁶. В свою очередь, на заседании Комитета по обороне парламента Киргизии министр иностранных дел республики К. Сарбаев заявил, что «США готовы платить 60 млн. долл. в год за использование аэропорта и 36,6 млн. долл. за строительство площадки для самолётов и складирования грузов». Киргизия также получит до конца 2009 г. 20 млн. долл. для создания Киргизско-американского фонда экономического развития. Кроме того, США выделяют 21,5 млн. долл. на борьбу с наркотрафиком и 10 млн. долл. для борьбы с терроризмом»¹⁷.

Представляется, что на изменение позиции Киргизии в отношении нового этапа военного сотрудничества с Вашингтоном, повлияли не только экономические соображения, но и осознание США возможности наступления талибов, которая все ещё высока, что может губительно сказаться на безопасности всего региона. Нельзя не учитывать усиление региональных амбиций Бишкека, и, наконец, то немаловажное обстоятельство, что стабилизация Афганистана возможна лишь на основе регионального сотрудничества.

Похоже, что главным приоритетом внешней политики центральноазиатских стран всё ещё остаются экономические соображения, однако по мере развития и укрепления их государственности, национальные интересы этих стран обретут более чёткие очертания, а, значит, и более конкретные внешнеполитические ориентиры, что заметно усилит роль каждой из них. То есть, по мере развития и укрепления необходимых демократических реформ, могущих привести эти страны к зрелым демократиям в будущем, что, несомненно, требуют реалии современного мира, эта ситуация, по всей видимости, сменится другой, с заметным креном в сторону защиты и укрепления их национальных интересов. Это может как подготовить государства Центральной Азии к осуществлению более полноценного как двухстороннего, так и многостороннего сотрудничества, которое будет осуществляться на новом, более качественном уровне, так и создать другие условия для конкурентной борьбы между заинтересованными потребителями (Россия, Европа, Китай, Индия). Кроме того, представляется, что Узбекистан, Казахстан и Туркмения как главные экспортёры углеводородного сырья, а также в силу их географического положения, со временем будут вести изнурительную борьбу за усиление своих региональных амбиций. В конечном счёте каждой прикаспийской стране придётся выбрать свои приоритеты.

¹⁶ www.kirgystan.com

¹⁷ Ibidem.

С учётом этого России необходимо осознать, что в настоящее время мир становится всё более рациональным и что в этой ситуации крайне убыточно иметь долгосрочные союзы (союзничества), срок которых в основном определяется политической конъюнктурой. На смену им должно прийти другое понятие – партнёрство, определяемое кратко- и среднесрочными интересами, что является куда более эффективным. Это наглядно демонстрирует хотя бы тот факт, что Россия не раз провозглашала постсоветское пространство приоритетом своей внешней политики. Тем не менее, перспективы развития отношений России со странами Содружества всё ещё оставляют желать лучшего, во многом из-за крайне непоследовательных действий их лидеров.

Сильная Россия необходима для построения надёжных систем безопасности в Центральной Азии и на Кавказе. Она могла бы содействовать стабилизации положения на Ближнем Востоке, в восстановлении Ирака и Афганистана, а также в решении иранской проблемы. Сильная Россия в состоянии сыграть главную роль в создании и поддержании нового политико-экономического равновесия в Восточной Азии. У неё, несомненно, будет больше возможностей конструктивно работать в Европе над рядом европейских проблем и стать лидером в борьбе с терроризмом, расползанием ОМУ и другими трансграничными угрозами. Однако всё это можно делать сообща с Западом, при наличии равных возможностей, общих целей и задач, с учётом сложившихся в настоящее время политических и экономических реалий в мире.